

Во-вторых, указывалась лояльность по отношению к советской власти, которую было необходимо подтвердить через организации или конкретных людей. Это наводит на мысль о том, что власти было удобнее не афишировать вопрос об армянских беженцах и масштабах проблемы в условиях заполненности Самары тысячами различных беженцев.

Таким образом, архивные данные позволяют сделать вывод о том, что армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы были также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. Армянские беженцы были выходцами преимущественно из Восточной Армении. По социальному составу это были представители средних ремесленных слоев, в основном молодого поколения. Четверть от общего числа беженцев составили дети (до 5 лет и подростки).

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-193. Оп.4. Д.8.

А.В. Бочарова

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

Революционные события 1917 г. и последующее формирование советской государственности являются одним из самых драматичных периодов в истории взаимоотношений религиозных институтов и государства в нашей стране. После захвата власти, большевики были вынуждены обратиться к сознанию той части общества, которая придерживалась религиозных обрядов. Этот традиционно ориентированный социум являлся основой в российском государстве и главной задачей власти было заменить религиозную обрядность русского народа на идеологию марксизма, затронув при этом все слои общества, все народы и конфессии.

Уровень религиозности населения Российской империи до революционных событий 1917 г. несомненно, был достаточно высок, однако процесс секуляризации жизни, начавшийся еще с середины XIX века, не мог не повлиять на ослабление значения религиозных обрядов и освобождение от власти религиозных запретов большинства населения страны [8, с.326]. К 1916 г. по данным Синода, происходило массовое отпадание от веры [1]. Наблюдалась тенденция индифферентного отношения к православию со стороны крестьянского населения. Конечно, еще по-прежнему

горожане следовали религиозным обрядам, участвовали в церковных празднествах, посещали церковь по воскресениям, однако за общей картиной благочестия можно было увидеть постепенный отход от соблюдения всех имеющихся предписаний. Например, к 1910 г. вырос процент пропусков исповеди и причастия по неуважительной причине, а пост понимался населением, прежде всего, как воздержание от определенной пищи и интимных отношений [8, с.327].

Все это происходило от низкой религиозной просвещенности простого народа в России, от слепого следования обрядам и традициям. Как писала Зинаида Гиппиус: «Народ русский никогда не был православным. Никогда не был религиозным сознательно. Он имел данную форму христианства, но о христианстве никогда не думал. Этим объясняется та легкость, с которой каждый, если ему как бы предлагается выход из отчаянного положения — записаться в коммунисты, — тотчас сбрасывает всякую «религиозность». Отрекается, не почесавшись» [2, с.145].

Октябрьская революция изменила отношение к религии. Уже в 1917 г. были выпущены два декрета, регулирующих сферу религиозных отношений. И постепенно, в советской России началось перевоспитание всех слоев населения. Смена господствующего в обществе мировоззрения прошла для большевистского руководства в довольно короткие сроки, так как «значительная часть населения страны в силу патриархальности мировоззрения отождествляла идеалы христианства и коммунизма» [6, с.147].

Один из партийных теоретиков того времени Арон Залкинд, в своем труде по психологии, где формулировал пролетарскую этику, использовал прямые заимствования из религиозной сферы [6, с.147]. «Десять христианских заповедей — своеобразный теистический моральный кодекс — вполне подходят для этических нужд социалистического государства, необходимо лишь изменить их классовую направленность» [4], писал он в своей работе.

Но прежде чем внедрять новые устои жизни и новую мораль, руководству страны требовалось ослабить и уничтожить влияние старых предрассудков, очернить прежнюю религиозную обрядность. После провозглашения новой экономической политики, с ее относительной свободой в различных областях общественной жизни, с возвращением ряда прежних традиций и даже праздников, руководству новой России было важно не потерять достигнутых результатов в религиозной модификации, не прекращая и внедрение новой идеологии [7, с.31]. В задачах и методах пропаганды безбожия в Самарской области можно было встретить такие слова: «В деревне возобновляется исполнение религии даже в новых формах, при новой обстановке — кулаками и нэпманами в своих классовых интересах» [14, с.21].

В июле 1921 г. отдел пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) и его национальные отделения получили установку на проведения антирелигиозной пропаганды. Немного позже, В.И. Лениным в работе «О значении

воинствующего материализма», опубликованной в марте 1922 г. была конкретизирована данная идея [3, с.26]. Антирелигиозная кампания, включала в себя целый ряд мероприятий, направленных на искоренение религиозных практик из жизни общества.

В стране начали проводить собрания, лекции и беседы, посвященные борьбе с религиозными предрассудками. Стали готовиться к масштабным антирелигиозным празднествам и в Самаре. Опыт проведения Комсомольского Рождества был дан по всей Республике и, в частности, в Самаре он дал положительные результаты. Идея получила дальнейшее развитие и возникла мысль затронуть один из важнейших церковных праздников православных христиан — Пасху.

Проведение Комсомольской Пасхи решено было устроить в форме карнавала, который устраивался в первый день Пасхи. Участие в Комсомольской Пасхе было добровольным [12, л.51], но очевидно желательным. Карнавал собирался организованно на Ильинской площади к 3 часам дня. А к вечеру уже при свете факелов и звезд процессия шла к собору, где происходит митинг-парад: торжественное сжигание макетов церкви, попа, муллы, будды и др. Далее читался антирелигиозный доклад, устраивались грандиозные антирелигиозные постановки [11, л.68]. Видные архитекторы и художники принимали активное участие в художественном оформлении города во время проведения революционных праздников [5, с.215].

С середины 1920-х гг. в Самарской губернии начинает играть заметную роль в общественной жизни страны «Союз безбожников», задачей которого было объединить всех сознательных трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех видах и формах [10, с.2]. Из отчета Самарской губернской организации безбожников за 1926 г. можно узнать, что в декабре 1925 г. в городе был организован антирелигиозный музей, который посещало большое количество людей [10, □10].

Однако, несмотря на все приятые меры, религиозность населения Самарской губернии к концу 1920-х гг. оставалась по-прежнему высокой, хотя в ней и прослеживались новые идеологические отголоски. В июле 1928 г. в Самарском округе числилось 198 обществ и групп разного вероисповедования [9, с.109]. Однако, как бы власть не боролась с религиозными традициями, в середине 1920-х гг. больше половины населения исполняло старые обряды.

Таким образом, 1920-е гг. в религиозном плане представляли собой смесь двух дискурсов, двух типов сознания населения: традиционного религиозного и нового идеологического, направленного против первого. И в условиях зарождающегося советского государства и формирования общества, их борьба только начиналась.

Библиографический список

1. Андреева А.А. Элбакян Е.С. От бога ли закон Божий? Газета Независимая. http://www.ng.ru/ng_religii/2012-03-07/7_zakon.html
2. Гиппиус З.Н. Дневники. Варшава, 1920.
3. Дмитриенко В.Д. Торговая политика Советского государства после перехода к НЭПу 1921-1924. М., 1971.
4. Залкинд А.Б. Революция и молодежь. М., 1925.
5. Каркарьян В.Г. Самара-Куйбышев-Самара или Три портрета одного города. Самара, 2004.
6. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-1930 гг. СПб., 1999.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1975.
8. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX века). Т.2. СПб., 2000.
9. Подмарицын А.Г. Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008.
10. Самарский центральный государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). Ф.20. Оп.1. Д.21.
11. Самарский областной государственной архив социально-политической истории (СОГАСПИ) Ф.53. Оп.1. Д.363.
12. СОГАСПИ. Ф.4. Оп.1. Д.140.
13. СОГАСПИ. Ф.1141. Оп. 42. Д.176.
14. СОГАСПИ. Ф.3. Оп.1. Д.378.

Г.А. Зыбанова

Самарский национальный исследовательский университет

ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ САМАРЫ 1920-х гг. ГЛАЗАМИ ПИОНЕРВОЖАТОЙ АННЫ УСТИНОВОЙ

В Самарском областном государственном архиве социально-политической истории мной были обнаружены два уникальных дела, ранее не вводимых исследователями в научный оборот, повествующих о детской повседневности Самары 1920-х гг.

Первое дело – «Воспоминание Устиновой А.П. об отправке голодающих детей Поволжья на Украину» [5]. В 1921 году 19-летняя Анна Устинова была отправлена в качестве сопровождающей группы детей на Украину, чтобы спасти их от голодной смерти. Вместе с Анной и еще тремя воспитательницами эшеленом из Самары выехало более двухсот детей возрастом от одного года, взятыми сиротами или от родителей. Они были «очень исхудавшие, бледные, вялые и почти ко всему, кроме пищи, безразличные» [5, л. 6]. До Каменец-Подольска доехало 125 ребят, остальные были сняты по пути с поезда в больницы или разосланы в крестьянские семьи в разные города России [5, л. 6-7]. Глазами одного человека перед нами вы-